

Анчаров С. М. А.

Видел всякие работы
ПОМОЩНИК КРАСОТЫ

1

Весной 1946 года я, демобилизовавшись, возвращался на родину с Дальнего Востока, где проходил службу. Ехал я в настроении приподнятом и, как это не странно, немного грустном. Радовался тому, что еду домой и печалился о пережитом. Сейчас, вспоминая такую свою сентиментальность, я только посмеиваюсь, однако тогдашнего состояния не осуждаю.

Компания у нас в купе собралась, для меня, не очень интересная, народ все больше пожилой и преферансисты, я же в преферанс не играю. Приходили и из других купе пулюку составить, да так с утра и досиживали до темноты. Поэтому я чаще бывал в соседнем купе, где народ ^{БЫЛ} моложе и разговорчивее. Кое какие из этих разговоров я записал. Там я и познакомился с человеком, который произвел на меня впечатление большое и неожиданно серьезное. Говорю неожиданно, потому что внешность его была, не толь-
незначительна, но я бы сказал неказиста.

Где то у Читы сел в это купе низенький старичок, в мелких морщинках, умеренно лысоватый, из тех, что зовут сморчками, однако заметили, что глазки он имел черные как угольки и пронзительные, да еще басиот был не по росту. Поселился он на верхней полке и прожил сутки почти не говоря, а все как то припоглядывая к нашей компании. На второй же день слез и попросил раз-

решения присоединиться к беседе. Ми конечно согласились и не прогадали - старичок оказался разговорчив, и на все наши вопросы отвечал толком и обстоятельно

- "Куда же вы едете, папаша" спросили мы его

- "Я не еду ~~в Манчжурию~~, отвечал он, а возвращаюсь, а ездил я на Дальний Восток и пропуск имел от Военного Фронта в китайцы за надобностью."

- "Какая же, отец, у вас была надобность в Манчжурии?"

- "А такая, что резчики мы по кости. По моржовой по слоновой, по мамонтовой, по дереву тоже когда. Фамилия наша известная. Имеется наша работа во многих музеях в загранице и даже дарена на добрую память самому Иосифу Виссариновичу. И называется моя надобность "творческая командировка" согласно документальности. Положено мне оказывать содействие и печать есть. А к манчжурцам я был направлен потому, как, изволите видеть, манчжурцы те в давние годы были неслыханные мастера по кости, но и сейчас есть кое-торые многое что знают и секреты хранят. А я до мастерства и красоты великое любопытство имею. Различаю кроме нашей ~~резьбы~~, северную резьбу чукотскую и жемчужную по кости, и кавказскую резьбу и насечку и другие, и всюду секреты доходил. Ездил я с пол-года тому и в Германию, но только путного ничего не видал - говорю не по злобе, а по совести. ~~Видел я там много интересного~~

похвалю, да похвалю. Видел всякие работы, но все больше никчемность для глаза. И примеру сказать, мундштук гнутый, изображены листья, а на них дева облажена и трубку курит. Резьба сквозная, но грубая, толстая, волокно в кости по случайности проходит, смотреть только с боков можно, а ракурса не дает. А потом, главное, никакой духовности нет, не играет вещь, так глупость одна, для тупой души вещь, а эта у них из лучших."

- Ну а с китайцами вы как же разговаривали."

- А так говорил, что мне из штабу переводчика дали, шустрый такой сынок и орден у него со двомя медалями. Однако он мне все только дорогу и всякое фамилие спрашивал, а что до разговору, так мы с китайцами мастерами больше на руках доходили, потому переводчик младший лейтенант тех слов какие мне по мастерству нужны были, все равно не знал. Я, говорит, дедушка, только насчет военного могу.

- Ну и как, по успехам твой отец.

- А как же, говорит, не только глазами смотрел, но и подарки от мастеров лично имею и письмо на ихнем языке в трубочке, к нему печать на шелковинке. Отправлены о-ни за мной в заказном багаже, весом в три кило с половиною за семью печатями, а на них квитанция. Мастерам же оставил я одну охоту медвежьё, на санях катание и лаптец от шурина моего, резной, кленовых листьев и ягодной резьбы.

- Скажи отец, нельзя ли работу твою посмотреть.

- С собой нету, говорит, разве что пустяк один, футляр для очков." И достал. Мы все поразились тонкостью и, как он говорил "духовностью" работы. И поразившись спросили откуда пошло у него такое мастерство.

- А причиной этому моя клятва или вернее случай."
Нас совсем одолело любопытство и начали мы его уговаривать, чтобы рассказал он нам этот случай. Несколько поколебавшись, старик отвечал согласием - дорога мол длинная, компания хорошая" и действительно рассказал. Не берусь судить, сколько в этом рассказе заключено правды, так как по всему было видно, что старик большой руки сказочник, но рассказ его мне показался колоритным и с крепким поэтическим смыслом, а

потому привожу

его полностью, не сокращая и не искажая, так как я его запомнил.

— Коротко рассказывая, имел я с детства стремление ко всяким искусствам, и будучи упорен, сумел умолить родителя моего, сапожных дел мастера, отдать меня в иконописную мастерскую в обучение. Однако пробив там не один год, и не увидя ничего окромя ремесла, затосковал я и начал баловаться вином не по возрасту. Впрочем не удивляя этим никого. Между делом занимался^я резьбой трубок с головками, почему и прослыл малым пустым и за то не один раз подзатыльники получал. Отец мой к тому времени преставился и жил я один на краю городка холостым манером. Это все для понятности. Случай же вот какой. Засидевшись както в мастерской до темна, и приняв изрядную толику вина от холода, собрался я идти домой "не ровен час и раздеть могут". Подумал я так и усумнился в душе. Дайка, думаю, на дорожку приму еще водочки для храбрости и пойду. Пошел же я и приключилась со мной в дороге некая странность, отчего все течение моих мыслей на другой путь повернуло. А в чем странность извольте слушать. Иду это я вдоль забора, напротив ветра и снега, а заборы длинные купеческие и несть им ни конца ни краю и погибать будешь не достучишься, не откроют. А во дворах пси цепные брешут, исключительно какие злые пси. Им с детства уши и хвосты рубят и всякое их огорчают для лютости, и хозяйева их как те пси лютые и, как сказано было, погибать будешь не впустят. Но я этого не боялся потому, что был к этой дорожке уже привыкший. Иду я, к забору прижимаюсь и вдруг вижу левее дороги что-то темнеется и подошед ближе увидал, движется по самой целине какой-то человек, не человек, а этакая с позволения сказать, фигура, вся в снегу закиданная. Сделает два шага и остановится будто поджидает меня. Но я однако не убоюсь, потому взять у меня нечего, и иду себе как шел. А фигура совсем остановилась и один бок ^{на} искривилась, вроде как бы устала. Эге, думаю, похоже не замерзает ли человек. Окликнул я того человека молчит. Подошел и вижу, впрямь человека снегом заносит. Ну что тут делать, и человек видать грузный надего на него много и замотан с головой в башлыки разные. Ну как его с собой тащить, а идти еще мало не с версту. Потормошил я его — молчит. Подумал я, ведь вот грех какой, не дотащу я его

и обросить пальца - кто его знает что за человек такой, однако и тут я не убоился, а схватил его за подмышки и так будто мне это легко показалось. Ну думаю либо у меня от водочки силы прибавили, либо ты сударь не велик весом. Подсел я под него, взял его на загорбок и вдруг слышу шепчет он мне: "будь такой дорогой, захвати уж и мой посошок. Осердился я. Говорю, какой такой посошок еще. А вот, говорит, в снегу воткнутий, а то мне без него ходить невозможно, но не сердись, говорит, я за то тебя всячески уважу. Эх ты, говорю, убогий будешь ли еще кить-то, все же посошок взял. И так, доложу и вам, прошел я с ним версту до самого дома во едином духе и, верьте, тяжести не почувствовал. И смекнул я, либо это опять же водочка-матунка, либо же "нечто". Но...

Приняли мы домой, внес я человека в комнату, а в комнате холод - один я жил. Засветил я лампу под названием "летучая мысль", у соседа был кот куплена, затопил печь, бутылочку монопомы достал, а он все недвижим но только слышу дышит, и все недосуг мне человека раздевать и сам не раздеюсь. Ну за тем делом скинул я полушубок и стал его раздевать. размотал с него башмаков штуки три и остался он в туфле и шапке. снял я с него шапку и тут, судари мои, был я произведен в куту от того часу и до окончания дней моих, когда уйду, где несть же печали ни воздыхания, как сказано. Как я стоял с той шапкой так и сомлеял и сел на табуретку. а почему. а потому, что на стуле моем, извиняюсь, паршивом откинулась девица непомятно-прекрасная, с несмеханной красоты девица, описать кою не в силах человеческих, разве, что поочному писателю Александру Сергеевичу Пушкину, великому-убиенному.

Прогер я глаза, нет сидит, а я было думал это мне с пьяных глаз явление. И так сидел я не дыша некоторое долгое время и думаю: "боже мой, вот оно, что всю жизнь искал и по ночам звал. Боже мой, как же я дальше буду? А она, тем погодя, глаза открыла и все мысли которые были и те отняла. "Не пугайся, говорит, и спасибо тебе, а что водочки ты проглотил, то мне того не надобно я и так согрелась. А я весь охрип и чуть говорю: да кто же ты будешь и каким языком говорить с тобой позволишь? Она мне отвечает: говорить со мной надо просто потому что я знаю, кто я простая красота. Боже мой, ну тут я заплакал, а она спрашивает: ты почему плачешь? А ей в ответ, что плачу как вспоминаю ее по снегам ночью хождение и как она одну принять могла. И плачу, а говорит, простая красота. Блажь? Ты, говорит, святая простота, а я просто

67

~~красота~~ красота. Ты думал, что красота на крылунках порхает и где слаще живет. Так запомни, всегда я хожу где труднее и потому му хожу с посошком и тебе спасибо, что уважил меня и его с собой захватил потому я без него ходить не могу. Но теперь говорит она я в твоей власти и, если ты его изломаешь, то я и вовсе с тобой останусь. А я сколь ни дурак был в те годы, однако поклонился ей как мог, и отвечал: прости меня несказанная, но мало как не смею удерживать тебя, а кроме того, ежели и другим кому покажешься ты и откроешься, то великое просветление жизни может настать затем, что у кого сердце есть не устоит он против тебя, и посошок твой я ломать поэтому не буду, а сам все плачу, потому понимаю лелею ^{у себя} ее последние минутки ~~в своей комнате~~ в квартире. К слову сказать, подумал я этак и почувдилось мне, будто все мои ложки-пложки алмазами играют, ну только я не присматривался. А она мне еще в ответ: "спасибо тебе в другой раз - первая мысль-душевная. Хотела я тебя испытать и на ~~проб~~ тяготу и на совесть, и все испытания ты прошел и посошок мой не изломал, а посох он не простой, посоху этому название "правда". Понял теперь? Ну а теперь подойди, я тебя поцелую". Обожгла она меня один раз на всю жизнь. "Еще помни, беру я тебя за все то в помощники, дабы ты как мог про меня людям пересказывал и изображал". Я ей хриплю: "клянусь, тебе послужу". А она мне: "не клянись, а преклонись да не забывай и старайся". Преклонился я ей а она поднялась и тихо так вышла, только из-за двери снегом кинуло

Славен мир и чудесны на нем произрастания всяческие и научности. Так досель и не знаю, то ли помстилось мне, то ли было мне явление чуда, то ли просто добрая душа пьяненького пожалела.

..... Поезд подходил к биску. Я собрался к выходу, чтобы первым добежать до продпункта - дед, как выяснилось, очень сало уважал.

... На второй полке нашего купе ехал белообрый майор, довольно молодой, с грудью обильно засеянной цветными ленточками орденов, советских и иностранных. Он свесил голову вниз, подмигнул нам и сказал: „ну что выдохлись? Моя значит очередь рассказывать? Что же это можно. Только заранее говорю, связной истории не будет, а будет как говорится легкий полет вдохновенья. Значит не эпос, а так сказать "кроки моей руки". В популярной форме.

Я, вообще пехотинец, но в Манчжурии я что-то около семи месяцев провел как работник Комендатуры, из них большую часть харбинокской. Не знаю как для вас, а для меня в Манчжурии оказалось много неожиданного. Пример? Пожалуйста.

Я конечно понимал, что Япония это не Германия, тут мы три с половиной года возиться не будем, тут, я полагал, месяцев в шесть управимся. А мы ее в три недели шлепнули. Или вот такая вещь. Знал я что в Манчжурии чуть ли не самая большая в мире колония белоэмигрантов, белоказаков и прочих беляков. Я откровенно говоря думал, что придется нам с ними повозиться, и бои кое какие будут, и пальба из-за угла, и прочее. Так вот, это православное войско, не только толпами и охотно сдавалось в плен, но кое где с японцами пощипалось. В Харбине, я думал, уличные бои будут, а его сотня автоматчиков взяла, а танки только после подошли. А подумать так ничего удивительного нет. Дураков-то все меньше станов...

2
витель. Японцы в честь, представьте себе, победы при Халхинголе или, как
они его называют, при Наманхане, выпустили медаль, сам видел, а местные рас-
сказывают, что в один только Харбин три дня на машинах трупы возили
японские. Чувствуете? Так что в нашей работе сложнейшая обстановочка
была. Думать надо, это главное.

Приходилось мне читать статьи про Манчжурию некоторых наших
корреспондентов и написаны эти статьи все больше со слезой и умилением.
Материала маловато, а если и есть, то видно человек думать не хочет.
Я бывало как начну читать: „мы едем в открытом „виллисе“, по сторонам про-
носится эта прекрасная и нищая страна, с ее бедными фанзами, покрытыми
и т. д.“, так дальше и не читаю, знаю, что потом они приедут в городишко
и на базаре им старик китаец расскажет древнюю легенду. Корреспондент
же ему через переводчика скажет, что у нас в советской стране трудя-
щиеся живут свободно и старик заплачет обязательно „скупыми“ слезами
Примитив? А не читаю потому, что если корреспондент так свободно и без
охранки катается по Манчжурии и не сдавшихся японцев не боится, то та-
кая статья писана не меньше, чем через два месяца после прихода армии,
а старик не такой дурак, чтобы спустя два месяца после первых встреч
с нашими бойцами и офицерами от корреспондентских слов плакать „ску-
пими“ слезами. Видел я как народ плакал, когда наши части входили или ска-
жем когда ему рис, мечту китайскую, отпускали бесплатно, ну так то ведь
совсем другое дело. А кроме того в это время шли уже старики, которые

без дела по базарам толкались и лобопытным всякие басни рассказывали
обыкновенно послали хунхузы, разведывать обстановку. Так что китайско-
китайскому тоже рознь. Я вот знаю один случай. Разлетелся такой журна-
лист в китайский район, видит каменная стена и красивые резные ворота
с надписью. Полез в словарь и перевел "зал миролюбия" Ага, решил он, хра-
и сфотографировал. Экзотика! А это так японский публичный дом назы-
вался. Не смешно? Так вот я говорю думать надо.

Местные русские китайский район в Харбине называют Фудидянь
Райончик лобопытный. Трущобы даже какие-то не настоящие, а как будто
специально встроены в агитцелях. Музейная рвань. В этот Фудидянь на-
до наших любителей заграницы водить, чтобы пришли, ахнули и прощения
попросили. Универсальный райончик, что угодно для души, как говорится,
вонь любая от парафюмерии до тухлого мяса. Сигареты с героинчиком по-
курить можно. Человека убить хочешь - пожалуйста, плата по таксе и не до-
рого. Только вот кур, на некоторых базарах, не советовали покупать - из-
насилованние. Их перед продажей пользуют, зачем, мол добру пропадать.
Живет там конечно и просто голь перекатная кули, ремесленники, торговцы
сигаретами и ~~иногда~~ обсосанными для блеска тянучками, и прочие мелкие
люди. Однако центральную часть Фудидяня, его так сказать Уол Стрит, мож-
но отличить сразу по, особенному даже для Фудидяня, сладковатому запаху
и красным фонарям. Расскажу вам один случай.

Был у нас такой автоматчик Вася, парень здоровенный и неуклю-

11/10/21

жий. Пошел он как-то с приятелем посмотреть город и забрели они в этот Фудидянь. Вот на улице привязался к ним китаец средних лет, жирный и весь какой-то засаленный. Что-то он им говорил половину по русски половину по китайски, они сначала не поняли. Потом разобрали. "Мадама, говорит, есть, китайзка есть, нибанзка есть, шибка дешува. Сто гоби." Вася остановился, запыхтел и спрашивает: "мадама, говоришь, есть? китайская есть, японская?" А ежели я тебе по рылу наложу это как? и подсунул ему к самому носу кулак такого размера, что у того говорят даже уши прижались. Китаец этот заверещал что-то, тут как раз комендантский патруль идет. Китаец порядки знает и к ним, "Бил меня" кричит и на Васю показывает. Ну, чтобы не устраивать скандала повели Васю в комендатуру разбираться. Этот тип с ними и много китайцев тоже пошло. Привели, доложили. Дежурный по комендатуре старшина спрашивает: "бил?" Не бил, брешет он - отвечает Вася. И приятель подтверждает, этот мол, ему женщин предлагал. Ага, мадама, понимаем - сказал старшина и все китайцы подтвердили то же самое. Старшина этому китайцу - "вы, господин уходите отсюда" и Васе "а ты красавец у меня две недели в город не пойдешь, раз не умеешь с капитализмом обращаться."

Как говорят журналисты, комментарии здесь излишни.

Но это только так говорить, можно и прокомментировать. Мне потом пере-

^{водчик} Из штаба армии рассказывал, что в гоминдановской газете была такая заметка. "Из Харбина сообщают, что проходя по улице Гинзадори, чин советской армии вломился в публичный дом и избит хозяина и скрылся" и привозит

дится фамилия этого типа. Замечочка белогвардейская с ^{ни} японским акцентом ¹²
потому, что Гинзадори - это прежнее японское название улицы, по китайски ⁰⁵
она как-то еще. Может быть вам еще прокомментировать? Пожалуйста. Вскоре
городская управа приказала закрыть публичные дома. И вот приходит однаж-
ды их переводчик, русский першишка, к нам в комендатуру и рассказывает,
что хозяева этих домов собираются какую-то, не то петицию, не то жалобу
подавать, хотим, мол, функционировать. Я говорю интересно. Однако проходит ¹
недели две - ни о какой петиции не слышно. Как-то встречаю я этого пе-
водчика и спрашиваю: "Ну что там с петицией-то?" "Да ничего, говорит, отка-
зались." "Почему?" спрашиваю. "А потому, что приехали к ним свои люди откуда-то,
кажется из Пекина, что ли, и рассказывают, что американские солдаты там
имеют моду напиваться в публичных домах и проституток из окон выбрасы-
вать. Вот они и отказались." "Ну конечно, думаю, здесь хоть с клиентурой
и плохо, но зато советские-то скоро уйдут и можно так сказать, сбересть
кадры до лучших времен, там же того и гляди всех девиц из окон поки-
дают." Вот тут уж, точно, комментарии излишни.

Хватит? Или еще, а то у меня ^{ль} материала еще на неделю, ^{сидит} -
~~дальше~~ с перерывами на обед, имеется." сказал майор комендантский работник.
"Мне бы с И. Эренбургом встретиться, вот он бы написал как следует. А то,
видите ли, мы едем в открытой машине" - закончил он и откинулся обратно
на свое полку.

Я прислушивался к этим рассказам и думал. Как по вашему, о чем?
думал, до чего же все-таки хороши наши люди.